

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ¹

Определение от 19 июня 2012 года №1169-О/2012

Пункт 2, абз. 3:

Установление в законе наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера [...] согласуется с положениями Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года [...] которые предусматривают в целях обеспечения выполнения договаривающимися сторонами обязательств по защите демократических институтов и ценностей, предупреждению, искоренению коррупции и формированию антикоррупционной политики установление временного запрета на занятие определенных должностей в публичном и частном секторах лицами, осужденными за преступления коррупционного характера [...].

Определение от 25 февраля 2013 года № 334-О/2013

Пункт 2, абз. 5:

[...] [Установление в Федеральном законе "О противодействии коррупции" обязанности работодателя сообщать в десятидневный срок представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы о заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим определенные должности государственной или муниципальной службы, в течение двух лет после его

---

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

увольнения с государственной или муниципальной службы] направлено на повышение эффективности противодействия коррупции и основывается на принципах приоритетного применения мер по предупреждению коррупции и комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер для борьбы с этим явлением. [...] Тем самым данная норма ориентирована на обеспечение безопасности государства, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.

Постановление от 10 октября 2013 года № 20-П/2013

Пункт 2.2, абз. 1:

Правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества. Создавая соответствующие правовые механизмы, федеральный законодатель вправе установить повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем чтобы у граждан не рождались сомнения в их морально-этических и нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти, в том числе использовать для достижения указанных целей определенные ограничения пассивного избирательного права.

Определение от 14 января 2014 года № 94-О/2014

Пункт 2, абз. 6:

[...] правовое регулирование [предусматривающее, что непредставление лицами, замещающими должности государственной службы, работниками органов и учреждений прокуратуры, сотрудниками органов внутренних дел, таможенных органов, судебными приставами, военнослужащими и др. сведений (представление заведомо недостоверных или неполных сведений,

представление заведомо ложных сведений) о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является основанием для освобождения таких лиц от замещаемой должности, увольнения с замещаемой должности, либо для применения к ним иных мер юридической ответственности], направленное на предотвращение и преодоление коррупции, обусловлено спецификой государственной службы, поступая на которую гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду (статья 37, часть 1, Конституции Российской Федерации) и добровольно избирает профессиональную деятельность, предполагающую наличие определенных запретов и обязанностей, связанных с реализацией особых, публично-правовых полномочий. Специфика государственной службы как профессиональной деятельности по обеспечению исполнения полномочий государственных органов предопределяет правовой статус государственных служащих, исходя из особенностей которого, обусловленных характером выполняемой ими деятельности и предъявляемыми к ним квалификационными требованиями, законодатель вправе в рамках своей дискреции определять с помощью специального правового регулирования права и обязанности государственных служащих, налагаемые на них ограничения, связанные с государственной службой, а также предоставлять им соответствующие гарантии с учетом задач, принципов организации и функционирования того или иного вида государственной службы и, следовательно, требует в соответствующем правовом регулировании соблюдения баланса частных и публичных интересов. [...]

Пункт 3.2, абз. 3:

[...] закрепление сроков применения взыскания в виде увольнения с военной службы за коррупционное правонарушение на основании подпункта «д.1» пункта 1 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и

военной службе» имеет целью создание дополнительных гарантий от произвольных (незаконных) увольнений с военной службы.

Определение от 5 февраля 2015 года № 204-О/2015

Пункт 2.2, абз. 1:

Учитывая, что в настоящее время одной из системных угроз безопасности Российской Федерации признается коррупция [...], включающая в себя дачу и получение взятки [...], общественная опасность которых во многом обусловлена размером взятки, установление в статье 291 УК Российской Федерации штрафов, кратных сумме взятки, само по себе отражает общественную опасность предусмотренных в ней коррупционных преступлений.

Постановление от 29 ноября 2016 года № 26-П/2016

Пункт 3, абз. 5, 6:

[...] Свойственный государственной службе, равно как и муниципальной службе публично-правовой характер предполагает открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, объективность государственных и муниципальных служащих при принятии решений, беспристрастность и отсутствие личной заинтересованности при исполнении служебных обязанностей, исключение в их деятельности злоупотреблений предоставленными полномочиями, чем обуславливается повышенное внимание государства и общества как к профессиональным, так и к морально-нравственным качествам лиц, на которых возложено осуществление публичных функций.

Специфика публичной службы предопределяет особый правовой статус государственных (муниципальных) служащих и, соответственно, необходимость специального правового регулирования, вводящего для государственных (муниципальных) служащих определенные ограничения,

запреты и обязанности, наличие которых компенсируется предоставляемыми им гарантиями и преимуществами. [...]

Пункт 4.1, абз. 4:

[...] принятие Российской Федерацией правовых мер, направленных на предупреждение коррупции и незаконного личного обогащения, включая возможность изъятия по решению суда имущества, приобретенного на незаконные доходы, согласуется с признаваемыми на международном уровне стандартами борьбы с коррупцией.

Пункт 4.2, абз. 3:

[...] обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, принадлежащего государственному (муниципальному) служащему и перечисленным в законе членам его семьи, в случае, если оно приобретено на доходы, законность которых не подтверждена, будучи ограничением конституционного права собственности, введенным федеральным законодателем в целях противодействия коррупции, как таковое направлено на защиту конституционно значимых ценностей и не нарушает требования Конституции Российской Федерации. [...]

Пункт 5.3, абз. 3:

[...] в отдельных случаях – особенно если при выявлении несоответствия расходов государственного (муниципального) служащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей за определенный период их общему доходу доля доходов, законность которых не доказана, оказывается незначительной – изъятие в целом имущества, происхождение которого презюмируется как незаконное, может повлечь в нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации несоразмерное целям борьбы с коррупцией ограничение прав указанных лиц, что, принимая во внимание право соответствующего собственника доказывать факт приобретения того или иного имущества на законные доходы, не исключает и право суда с учетом фактических обстоятельств конкретного дела обращать в доход

государства только ту часть имущества, законность приобретения которой не доказана.

Пункт 5.5, абз. 2:

[...] в случае, когда имущество, в отношении которого не доказана законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, было реализовано собственником с целью избежать применения соответствующих мер, а полученные от реализации указанного имущества средства фактически выступают его денежным эквивалентом, изъятие этих средств не может рассматриваться как свидетельствующее о расширительном толковании закона. [...]

Пункт 5.5, абз. 3:

[...] статья 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» не препятствует обращению взыскания на денежные средства, полученные государственным (муниципальным) служащим и членами его семьи от реализации имущества, в отношении которого не подтверждена законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, – иное истолкование являлось бы неоправданным и не согласующимся с конституционно значимыми целями законодательного регулирования в сфере противодействия коррупции допущением возможности уклонения государственного (муниципального) служащего от неблагоприятных последствий в виде изъятия имущества и с неизбежностью приводило бы к существенному снижению эффективности осуществленного федеральным законодателем правового регулирования вопреки его действительной воле.

[Определение от 6 июня 2017 года № 1163-О/2017](#)

Пункт 2, абз. 5:

Возлагая на государственных гражданских служащих обязанность представлять сведения о своих доходах и расходах, а также о доходах и расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, федеральный

законодатель, действующий в рамках имеющейся у него достаточно широкой дискреции, вправе самостоятельно устанавливать правовой механизм осуществления контроля за соответствием расходов таких лиц их общему доходу в целях предупреждения незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции, и тем самым эффективного противодействия коррупции. При этом такой механизм и практика его реализации во всяком случае должны отвечать требованиям юридической обоснованности, поддержания баланса публичных и частных интересов и не приводить к умалению самого существа конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Пункт 4, абз. 5:

[...] в контексте особых правовых мер, направленных на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции, и тем самым на эффективное противодействие коррупции, возможность проведения в рамках контроля за расходами на приобретение дорогостоящих объектов гражданского оборота мониторинга доходов государственного гражданского служащего и его супруги (супруга) за период, предшествующий вступлению в силу Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», а равно обращения в доход Российской Федерации имущества, приобретенного по сделкам, совершенным с 1 января 2012 года, – притом что в отношении такого имущества указанным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, – отвечает предназначению правового регулирования в этой сфере, направленного на защиту конституционно значимых ценностей, и не нарушает баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов государственных гражданских служащих, доходы которых не связаны с коррупционной деятельностью.

[Постановление от 9 января 2019 года № 1-П/2019](#)

Пункт 4, абз. 7:

[...] при наличии коррупционной составляющей на основании Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в доход Российской Федерации может быть обращено только имущество, приобретенное в период замещения лицом должности, предполагающей контроль за соответствием расходов этого лица его доходам.

[Определение от 24 июня 2021 года № 1177-О/2021](#)

Пункт 2, абз. 6, 7:

[...] обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, относится к особым правовым мерам, применяемым в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства и направленным на эффективное противодействие коррупции и защиту конституционно значимых ценностей.

Конституционный Суд Российской Федерации также указывал, что установленный Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» порядок применения данной меры позволяет обеспечить баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов собственника, приобретшего имущество на доходы, не связанные с коррупционной деятельностью, и не предполагает лишение лица, в отношении которого разрешается вопрос об обращении принадлежащего ему имущества в доход Российской Федерации, права представлять в суде любые допустимые доказательства в подтверждение законного происхождения средств, затраченных на приобретение того или иного имущества, а также не препятствует суду при выявлении незначительного расхождения размера

доходов, законность происхождения которых подтверждена, и размера расходов на приобретение соответствующего имущества с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить ту его часть, которая приобретена на доходы, законность происхождения которых не доказана, и потому подлежит обращению в доход Российской Федерации (либо денежные средства, полученные от реализации такого имущества), а также определить порядок исполнения своего решения с учетом особенностей этого имущества (Постановление от 29 ноября 2016 года № 26-П; определения от 6 июня 2017 года № 1163-О и от 18 июля 2017 года № 1736-О).

Постановление от 4 июля 2022 года № 27-П/2022

Пункт 4.1, абз. 5:

[...] правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относятся и к такой мере государственного принуждения, как предусмотренное статьей 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» обращение в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Эта мера имеет специальной целью противодействие коррупционным деяниям, совершаемым лицами, подлежащими контролю согласно названному Федеральному закону, что определяет ее назначение и вместе с тем пределы применения. Из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 2019 года № 1-П следует, что означенная цель определяет допустимость такого рода формы реагирования на факты коррупционных проявлений исходя из той презумпции, что несоответствие расходов законным доходам подразумевает совершение деяний именно коррупционной направленности. Совершение иных правонарушений, если они не состоят в совокупности (в том числе в идеальной) с деяниями коррупционного характера, предполагает

иные меры реагирования, включая иные меры ответственности. Противоположный подход означал бы изъятие у лиц, замещающих публичные должности, и их семей имущества с прекращением на него права собственности вопреки законному назначению указанной меры государственного принуждения. Это нарушало бы конституционное право собственности, как и принципы справедливости, соразмерности и правомерности в возложении ответственности, влекло бы произвольную квалификацию действий или бездействия в качестве правонарушения помимо закона, подлежащего применению.

Пункт 4.3, абз. 2:

[...] непредставление сведений, в частности, о доходах от реализации сельскохозяйственной продукции, произведенной и переработанной при ведении личного подсобного хозяйства, как и представление ошибочных о том сведений не лишает лицо, в отношении которого разрешается вопрос об обращении принадлежащего ему имущества в доход Российской Федерации, права представлять суду обоснования размеров дохода от реализации указанной продукции с любыми на то допустимыми доказательствами. Более того, установление самого факта ведения личного подсобного хозяйства в объеме, превышающем личные нужды, не может игнорироваться как возможное свидетельство наличия у гражданина законного, по крайней мере в смысле законодательства о противодействии коррупции и контроле за соответствием расходов доходам, дохода от такого хозяйства. Размер же дохода может быть определен как на основании прямых доказательств – документов, опосредующих реализацию сельскохозяйственной продукции, так и на основании косвенных доказательств – актов обследования личного подсобного хозяйства на предмет его потенциальной доходности. При этом суды должны учитывать, что само по себе наличие законного источника дохода, каковым является личное подсобное хозяйство, не позволяет не принять во внимание доходы от него – как документально подтвержденные, так и определенные расчетным путем – лишь на том основании, что

гражданином не исполнены требования Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и Налогового кодекса Российской Федерации.

Постановление от 31 октября 2024 года № 49-П/2024

Пункт 2, абз. 1–2:

Многоаспектность негативного воздействия коррупции на жизнь общества и государства позволяет отнести ее к числу особенно опасных социальных явлений. Наиболее тяжелым последствием и самым существом коррупции является нарушение принципов справедливости и равенства (правового эквивалента). Она оказывает разрушительное, угнетающее воздействие на сферу реализации публичной власти, расшатывает ее легитимность, способна подорвать веру граждан в законность, добро и справедливость, является существенным препятствием для правового, демократического и социально-экономического развития страны. Это тем более актуально для Российской Федерации, социально-экономическая, политическая и правовая системы которой прошли с начала девяностых годов прошлого века самый сложный период трансформации.

В силу Конституции Российской Федерации Россия как правовое демократическое государство обязана принимать для противодействия коррупции достаточные и эффективные правовые меры, включая направленные на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 26-П и от 9 января 2019 года № 1-П). Принятие эффективных мер по противодействию коррупции является одним из важнейших условий обеспечения конституционной законности, правового равенства, взаимного доверия государства и общества (статья 15, часть 2; статья 19, часть 1; статья 75¹ Конституции Российской Федерации).

Пункт 2.1, абз. 1:

Принятие действенных мер по борьбе с коррупцией подразумевает установление определенных требований и запретов (ограничений) для лиц, должности которых связаны с повышенным коррупционным риском, а также создание специальных механизмов контроля в отношении них, их доходов и приобретаемого ими имущества. Не вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации и распространение ряда обусловленных замещением (занятием) соответствующей должности ограничений также на период, когда лицо уже прекратило ее замещать (занимать).

Пункт 2.1, абз. 4:

[...] вне зависимости от наличия законодательных требований и ограничений, направленных на противодействие коррупции, а также специальных механизмов противодействия коррупции использование лицом, занимающим (занимавшим) публично значимую должность, своего должностного статуса для незаконного обогащения недопустимо уже в силу действующей прямо и непосредственно Конституции Российской Федерации, ее статей 1 (часть 1), 3 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 18 и 19 (часть 1), и представляет собой конституционно-правовой деликт, посягающий на основы конституционного строя, а недопустимость совершения этого деликта должна быть очевидна для каждого такого лица.

Пункт 3:

Поскольку именно незаконное обогащение является конечной целью совершения деяния коррупционной направленности, государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной. Это согласуется с общими направлениями и принципами государственной антикоррупционной политики, включая перечисленные в статье 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» принципы неотвратимости ответственности за совершение противоправных деяний коррупционной направленности, комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных

мер, а также приоритетного применения мер по предупреждению коррупции (пункты 4–6). Иное способствовало бы коррупционному обогащению, легализации имущества, полученного в результате коррупционных деяний, в том числе путем преобразования его (доходов от него) в иное имущество, допускало бы беспрепятственный оборот такого имущества, не ставя тем самым надлежащих преград коррупционному поведению, а потому вступало бы в противоречие с требованиями статей 4 (часть 2), 7 (часть 1), 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 52, 55 (часть 3) и 75¹ Конституции Российской Федерации.

Меры, предполагающие обращение в доход государства имущества и денежных средств, в отношении которых не опровергнута презумпция незаконности происхождения или установлена незаконность происхождения, имеют, являясь по своему существу особой формой правового государственного принуждения наряду с уголовно-правовыми и административно-деликтными мерами, конституционно значимую публичную цель борьбы с деяниями коррупционной направленности. Они ориентированы на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и правового государства, на защиту демократического строя. Наличие таких мер и их действенное применение призваны повысить результативность противодействия коррупции, предотвратить риски, связанные с неправомерным влиянием на государственных и муниципальных служащих, иных выполняющих публично значимые функции лиц и тем самым – с возможностью сращивания публичной власти и бизнеса, а тем более публичной власти и криминала.

Соответственно, обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества и денежных средств, принадлежащих лицу, подпадающему под действие антикоррупционного законодательства, будучи введенным федеральным законодателем в целях противодействия коррупции, как таковое направлено на защиту конституционно значимых ценностей и, следовательно, не нарушает требований Конституции Российской Федерации

(постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 26-П и от 9 января 2019 года № 1-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2017 года № 1163-О).

Имущество, подлежащее изъятию по антикоррупционным искам, обращается в доход Российской Федерации. Поступая в федеральную собственность, данное имущество, таким образом, подлежит использованию на благо всего общества, что направлено на восстановление социальной справедливости и укрепление социальной солидарности в сфере борьбы с коррупцией. Несмотря на то что такое обращение имущества в доход Российской Федерации не носит компенсаторного характера, по своей природе оно направлено на хотя бы частичное восполнение нарушения принципов справедливости и равенства (правового эквивалента).

Пункт 3.2, абз. 1–3:

[...] многообразие деяний коррупционной направленности, перечисленных в статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», и их повышенная латентность нередко обуславливают необходимость не только количественно сопоставлять доходы лица, занимающего (занимавшего) публично значимую должность, и членов его семьи с расходами, но и выяснять, в частности, обстоятельства злоупотребления полномочиями, возникновения конфликта интересов, принятия правонарушителем разного рода мер, имеющих целью сокрытие таких действий, включая воспрепятствование осуществлению антикоррупционного контроля.

Поэтому в основание требований прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, занимавшим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, может быть положен не только факт несоответствия расходов законным доходам и отсутствие сведений, подтверждающих законность получения денежных средств, когда источники

происхождения имущества могут оставаться невыявленными, а незаконность их презюмируется, но и установление того, что приобретение имущества обусловлено совершением этим лицом конкретных деяний коррупционной направленности.

Фактически в данном случае речь идет об обращении в доход Российской Федерации соответствующего имущества не столько в качестве имущества, в отношении которого в установленном порядке не было представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законно полученные доходы, сколько в качестве имущества, в отношении которого установлено, что оно приобретено посредством совершения противоправных деяний коррупционной направленности (включая несоблюдение антикоррупционных запретов). Установление такого источника приобретения имущества означает, что оно приобретено не на законные доходы, что согласуется с предусмотренной в подпункте 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации, Федеральном законе «О противодействии коррупции» и Федеральном законе «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» правовой целью обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы.

Пункт 3.3, абз. 1–2:

Последующее превращение или преобразование имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционных требований и запретов, и доходов от него в иное имущество посредством предпринимательской деятельности или же его реализации, в том числе приумножение такого имущества – будь то права участия в хозяйственных обществах, имущественные объекты, денежные средства и другие блага, – не исключают применения к такому имуществу мер, направленных на его обращение в доход государства.

Ограничение перечня объектов, подлежащих изъятию, лишь теми из них, которые приобретены во время занятия лицом, в отношении которого осуществляется проверка соблюдения антикоррупционного законодательства, публично значимой должности, при сохранении в его собственности либо же в собственности подконтрольных ему и связанных с ним лиц всего остального имущества, приобретение которого было бы невозможным без соответствующих коррупционных злоупотреблений, и с учетом того, что стоимость имущества, полученного в результате такого преобразования, может значительно превышать стоимость первоначально приобретенных благ, означало бы, по существу, возможность легализации незаконных доходов вопреки принципам противодействия коррупции и положениям статей 1 (часть 1), 2, 3 (часть 1), 8 и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Пункт 4.1:

[...] в случае обращения в доход Российской Федерации имущества, приобретенного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на противодействие коррупции, нельзя говорить о защите субъективного гражданского права в том значении, в котором это понятие используется в статье 195 ГК Российской Федерации. [...]

При обращении в доход Российской Федерации соответствующего имущества целью такого требования не является восстановление прав участника гражданского оборота, как это имеет место, например, при виндикации или реституции. Не опосредует применение этой меры и гражданско-правовую ответственность за нарушение антикоррупционных требований и запретов в смысле возмещения ущерба иным лицам, пострадавшим от деяний коррупционной направленности.

Таким образом, рассматриваемое обращение в доход государства имущества, имея своей целью реализацию публичного интереса, состоящего в противодействии коррупции, а не восстановление имущественного положения участников гражданского оборота, не является по своей природе способом защиты гражданских прав. Если применение гражданско-правовых оснований

изъятия имущества у лица и передачи другому лицу имеет компенсаторный, по общему правилу, характер, то при рассматриваемом обращении имущества в доход государства, напротив, цели компенсации не являются определяющими: оно служит особого рода неблагоприятным последствием противоправного поведения, применяемым в случае несоблюдения лицом антикоррупционных требований и запретов.

Уполномоченный на предъявление иска об обращении в доход государства имущества и денежных средств прокурор действует, таким образом, не в целях восстановления нарушенных субъективных гражданских прав публично-правового образования, а в целях защиты общественных и государственных интересов, что соответствует характеру возложенных на прокуратуру Российской Федерации публичных функций (статья 129 Конституции Российской Федерации), связанных с поддержанием правопорядка.

Пункт 4.2, абз. 1:

Хотя в подпункте 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации указано, что обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не было представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, влечет последствия в виде прекращения права собственности на такое имущество, из этого не следует вывод о частноправовой природе данного института. Являясь элементом механизма контроля за расходами лиц, занимающих (занимавших) публично значимую должность, данная норма гражданского законодательства во взаимосвязи со статьей 169 ГК Российской Федерации выступает проекцией соответствующей публично-правовой по своей природе меры и призвана обеспечить прозрачный и понятный для участников гражданско-правовых отношений порядок перехода права собственности к Российской Федерации.

Пункт 5, абз. 3–4:

[...] Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П пришел к выводу, что применение института

давности наступления неблагоприятных последствий противоправного поведения не предполагается, если подлежащее контролю лицо препятствовало осуществлению контроля и, соответственно, выявлению противоправного деяния, иначе возникала бы возможность злоупотребления правом с целью избежать в связи с истечением срока давности неблагоприятных последствий противоправного поведения. Как следует из названного Постановления, недобросовестное поведение лица, совершившего деяния коррупционной направленности, должно лишать это лицо оснований рассчитывать на институт давности как средство защиты своих незаконных интересов. Данная правовая позиция, основанная на фундаментальных правовых предписаниях, сохраняет свою силу и применима в принципиальном плане и к антикоррупционным искам с учетом указанных особенностей противоправного поведения лиц, совершающих деяния коррупционной направленности.

При этом, если в указанном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации исходил из дискреции суда – в случае воспрепятствования налогоплательщиком осуществлению налогового контроля и проведению налоговой проверки – признавать уважительными причины пропуска налоговым органом срока давности привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности, то применительно к требованиям об обращении в доход Российской Федерации имущества, нажитого путем совершения деяний коррупционной направленности, имеются основания для универсализации подхода, состоящего в невозможности применения в данном случае давностного срока.

Пункт 5.1, абз. 1–5:

[...] признание сроков исковой давности, как они универсальным образом регулируются оспариваемыми положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, применимыми к антикоррупционным искам, может породить целый ряд негативных последствий, несовместимых с принципами правового государства.

Прежде всего, применение регулируемых таким образом сроков исковой давности к требованиям об обращении в доход Российской Федерации имущества, нажитого посредством совершения деяний коррупционной направленности, может быть воспринято в обществе как то, что, вопреки существующей в силу Конституции Российской Федерации обязанности государства принимать эффективные меры по противодействию коррупции, по истечении некоторого срока – такого же, как установлен для случаев, не связанных с проявлениями коррупции, – государство отказывается от защиты основ конституционного строя и правовой демократии. Тем самым оно встает на сторону должностного лица, незаконно обогатившегося за счет злоупотребления полномочиями, освобождает его от негативных последствий несоблюдения антикоррупционных требований и запретов, гарантирует сохранность его имущественного положения и фактически реабилитирует неправомерно нажитый им капитал, притом что обеспечение названных конституционных ценностей является обязанностью публичной власти перед единственным источником власти – народом Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 3 Конституции Российской Федерации). В таком случае данные лица будут поставлены в привилегированное положение, что в итоге ведет к поощрению коррупции и подрывает веру граждан в законность, добро и справедливость.

Согласно пункту 4 статьи 1 ГК Российской Федерации никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного и недобросовестного поведения. Вовлечение же в гражданский оборот коррупционных доходов или приобретенного на них имущества может ухудшать положение законопослушных хозяйствующих субъектов. Получение имущества коррупционным путем не предполагает возможности его легализации в гражданском обороте по прошествии времени. Оно продолжает создавать неконкурентное и несправедливое преимущество, направленное, по существу, против добросовестных участников рынка. В конечном счете данный подход

будет дискредитировать гражданский оборот и правопорядок в целом, что само по себе противоречит целям установления исковой давности.

Применение содержащихся в оспариваемых положениях норм об исковой давности к указанной категории дел ослабляет правовое значение деятельности государственных институтов по выявлению фактов коррупции, поскольку их установление не будет иметь какой-либо практической ценности в силу прекращения судопроизводства по формальному основанию – ввиду истечения срока исковой давности. Это, в свою очередь, будет поощрять противоправную деятельность должностных лиц и стимулировать их к развитию более изощренных и надежных способов конспирации нелегального капитала, с тем чтобы предпринятых мер было достаточно для истечения срока исковой давности.

Применение института исковой давности без учета особенностей рассматриваемых отношений, таким образом, позволяло бы лицам, нарушающим антикоррупционные требования и запреты, извлекать из этого выгоду путем сохранения в их владении приобретенного вследствие таких нарушений имущества, что также непосредственно вступило бы, – по крайней мере, при распространении на эти отношения общего срока исковой давности и правил его исчисления, не учитывающих специфику выявления деяний коррупционной направленности, – в противоречие с целями данного института.

Пункт 6.2, абз. 4:

Во всяком случае не предполагается обращение в доход Российской Федерации имущества, приобретенного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, и затем отчужденного совершившим коррупционное деяние лицом лицу, которое, приобретая имущество, не знало, не могло и не должно было знать об источнике его происхождения, что не препятствует взысканию в доход Российской Федерации эквивалента этого имущества у такого отчуждателя, а также установлению сохранения фактической принадлежности данного имущества

лицу, которое формально осуществило его отчуждение, и (или) членам его семьи с применением соответствующих правовых последствий.

Пункт 7, абз. 2–3:

[...] в действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, считается неустановленным.

Поскольку наличие срока (сроков), ограничивающего (ограничивающих) возможность предъявления исковых заявлений прокуроров, не является необходимым в российской правовой системе, к дискреции федерального законодателя относится решение вопроса об установлении такого срока (сроков) с учетом соотнесения конституционно значимой задачи противодействия коррупции с другими ценностями и целями. При признании нынешнего положения дел – отсутствия таких сроков – адекватно отражающим в конкретно-исторических условиях общественные потребности федеральный законодатель вправе воздержаться от каких-либо нормативных изменений.

Пункт 7, абз. 5:

В случае же установления федеральным законодателем срока (сроков) давности для требований Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие

указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, законодателю необходимо следовать содержащимся в [...] Постановлении правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, касающимся обязательности учета особенностей деяний, в связи с которыми возникают основания для таких требований, что предполагает: установление существенно превышающих, соответственно, три и десять лет сроков (срока) давности; невключение в соответствующие сроки (срок) периода, когда лицо, нарушение которым требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, послужило основанием искового заявления, сохраняло формализованное или фактическое положение (коррупционные связи), позволяющее оказывать влияние на деятельность государственных институтов или их должностных лиц; определение начала течения этих сроков (этого срока) со дня выявления в установленном порядке Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненными ему прокурорами фактов нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, и приобретения имущества вследствие этих нарушений; закрепление иных специальных правил течения срока давности; сочетание этих правовых инструментов. При этом не должно допускаться применение такого срока (сроков) в случае противодействия ответчика либо иных лиц по инициативе ответчика выявлению Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненными ему прокурорами обстоятельств нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции и незаконного обогащения, либо формированию доказательственной базы для обращения в суд с исковым заявлением, либо обращению с таким заявлением.

[Постановление от 26 декабря 2025 года № 51-П/2025](#)

Пункт 3.1, абз. 5:

[...] законодательство устанавливает неисчерпывающий перечень принимаемых в целях предотвращения или урегулирования конфликта

интересов мер, что позволяет учесть специфику конкретной ситуации, особенности замещаемой лицом публичной должности и другие значимые обстоятельства. Однако их непринятие во всяком случае является коррупционным правонарушением, влекущим увольнение лица, замещающего публично значимую должность, в соответствии с законодательством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных законом [...].

Пункт 3.2:

Конституционным Судом Российской Федерации неоднократно рассматривались различные конституционные аспекты функционирования механизма противодействия коррупции [...] и неукоснительно проводился в жизнь принцип неотвратимости ответственности за совершение деяний коррупционной направленности, как противоречащих самим основам права и правового государства, что нашло свое логическое развитие в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П, в котором было отмечено, что, поскольку коррупция по силе и многоаспектности негативного воздействия на жизнь общества и государства может быть отнесена к числу особенно опасных социальных явлений, государство обязано принимать такие меры, которые делали бы любую попытку получить выгоду за счет коррупционного поведения бессмысленной и бесперспективной; обратное способствовало бы лишь распространению коррупции, не ставя тем самым ей надлежащих преград, и потому вступало бы в противоречие с требованиями статей 4 (часть 2), 7 (часть 1), 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 52, 55 (часть 3) и 75.1 Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем приведенная позиция Конституционного Суда Российской Федерации не означает и не может означать, что обвинение лица в совершении деяния коррупционной направленности лишает его доступа к средствам защиты его прав, в том числе судебной, а также конституционным гарантиям объективного и беспристрастного рассмотрения его дела; равным образом такое обвинение не может базироваться на необъективных данных

или гипотетических предположениях о совершении лицом указанного деяния. Иное противоречило бы положениям Конституции Российской Федерации в не меньшей степени, чем само коррупционное поведение (статьи 2 и 45; статья 46, части 1 и 2).

Пункт 4, абз. 9:

[...] во всех органах публичной власти необходимым является принятие мер, направленных на повышение эффективности борьбы с коррупцией, и представительные органы муниципальных образований не могут быть исключением, а иное противоречило бы безусловной конституционной обязанности государства принимать меры для противодействия коррупции.

Пункт 4.2, абз. 4, 5:

[...] требования по предотвращению или урегулированию конфликта интересов конкретным депутатом не вступают в противоречие со статусом представительного органа любого уровня публичной власти и обусловленным им статусом его депутатов, позволяя другим депутатам осознать наличие такого конфликта интересов, а представительному органу – принять меры для его урегулирования.

Данные требования при этом не могут рассматриваться как несоразмерно, вопреки статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ограничивающие права депутатов представительных органов, поскольку, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, гражданин, вступая в эту должность, принимает на себя обязанность неукоснительно соблюдать связанные с этим статусом обязанности и ограничения, в том числе касающиеся противодействия коррупции, в частности в случае возникновения личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов (Определение от 28 апреля 2022 года № 1096-О).

Пункт 5, абз. 2:

[...] из Конституции Российской Федерации не может следовать допустимость освобождения депутата представительного органа любого уровня публичной власти, не предпринявшего меры для предотвращения или урегулирования конфликта интересов и не сообщившего о нем, от негативных последствий таких действий (бездействия), притом что обеспечение реальной эффективности названных механизмов является обязанностью публичной власти перед единственным источником власти – народом Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 3 Конституции Российской Федерации).

Пункт 5.1, абз. 5–7, 9:

[...] при применении Федерального закона «О противодействии коррупции» в отношении депутатов представительных органов любого уровня публичной власти не могут не учитываться природа народного представительства и нормотворческие полномочия данных органов, а потому под личной заинтересованностью депутата представительного органа при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, не должно пониматься получение (возможность получения) в результате принятого представительным органом решения доходов, преимуществ или выгод индивидуально (персонифицированно) неопределенной группой (категорией) лиц, к которой относится сам депутат, либо состоящее с ним в близком родстве или свойстве лицо, либо аффилированные с ними лица (гражданин или организация, с которыми депутат представительного органа и (или) состоящее с ним в близком родстве или свойстве лицо связаны имущественными, корпоративными или иными отношениями), за исключением случая, если единственным либо явно преобладающим фактическим выгодоприобретателем от этого решения (в смысле получения личной прямой выгоды) является данный депутат или одно из указанных лиц либо круг таких выгодоприобретателей ограничен принимаемым решением.

В ином случае деятельность представительных органов, которые призваны обеспечить на основе формирования воли большинства поиск и принятие целесообразных правовых решений в установленной нормотворческой процедуре, была бы в значительной степени затруднена. Указанное выше ограничительное понимание личной заинтересованности, однако, не распространяется на случаи принятия представительными органами персонифицированных решений.

При этом вывод о наличии у депутата представительного органа конфликта интересов может быть сделан только на основе полной и объективной оценки всей совокупности фактических обстоятельств, свидетельствующих как о наличии у него личной заинтересованности, так и о том, что она реализовывалась (могла быть реализована) с использованием возможностей депутата, обусловленных прямо или косвенно его статусом и должностью в представительном органе и (или) фактическим влиянием на других депутатов (деятельность представительного органа в целом, в том числе деятельность муниципальных служащих и работников, обеспечивающих его функционирование). Лицо, при квалификации действий (бездействия) которого должны быть разрешены указанные вопросы, не может быть лишено права представлять в суде любые допустимые доказательства в поддержку своей невиновности (статья 46, часть 1; статья 49; статья 51, часть 1, Конституции Российской Федерации). В свою очередь, суд оценивает доказательства, представленные как уполномоченными органами, так и депутатом представительного органа (бывшим депутатом), по своему внутреннему убеждению и с учетом того, что они не имеют заранее установленной силы.

[...]

С учетом сказанного не могут сами по себе [...] расцениваться как исключающие наличие конфликта интересов такие обстоятельства, как осуществление полномочий депутата представительного органа на непостоянной основе; отсутствие у депутата права единолично принимать

решения и (или) давать поручения другим депутатам; отсутствие у депутата руководящей должности в представительном органе; инициирование решения, в связи с принятием которого определяется конфликт интересов, другим лицом; неопределяющее значение голоса конкретного депутата при голосовании, поскольку ими не исчерпываются все аспекты функционирования представительного органа и осуществления депутатом своих полномочий.

Пункт 5.2, абз. 4, 5:

Выступление депутата, информирующее участников предстоящего принятия коллегиального решения о наличии конфликта интересов, с последующим самоустранением от голосования – в том числе в случае, если соответствующий вопрос был включен в повестку в процессе проведения заседания, – и любых других действий, связанных с принятием этого решения, может также рассматриваться как достаточная для предотвращения или урегулирования конфликта интересов мера, когда депутатом по каким-то причинам не была исполнена обязанность по уведомлению о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения.

Однако поскольку публичное самоустранение из процедуры голосования способно выступать способом создания формальной видимости принятия мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, постольку из оценки наличия конфликта интересов, который не был предотвращен или урегулирован путем подачи уведомления и определения и реализации на его основании мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, не должны исключаться другие действия депутата, направленные на поддержку принятия соответствующего решения, в том числе не связанные непосредственно с процедурой голосования, совершенные с использованием имеющихся у него возможностей для оказания фактического влияния на принимаемые представительным органом решения.

Пункт 5.3, абз. 5:

[...] досрочное прекращение полномочий депутата представительного органа муниципального образования в связи с несоблюдением им требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является лишь одной из возможных мер его ответственности за соответствующее нарушение, которое с учетом его значения в системе соответствующих мер подлежит применению только в случае существенного конфликта интересов, в том числе дискредитирующего деятельность органов публичной власти, или совершения данного нарушения в совокупности с иными деяниями коррупционной направленности.